

Научная статья

УДК 81

DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-178-198

**Психосемиотика самоосознания:
от междисциплинарных оснований –
к техникам понимания**

Юрий Львович Троицкий¹
Олег Сергеевич Валув²
Марина Алексеевна Матюнина³

¹⁻³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Россия

¹ troitski@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1592-0224>

² o.valuev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3786-6874>

³ matyunina-ma@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1625-0496>

Аннотация

В статье сделана попытка междисциплинарного анализа структуры сознания, разработанной В. П. Зинченко, с позиций семиотики и нарратологии. Каждому слою сознания в этой структуре соответствует определенный тип семиотического знака: *бытийному слою* – *иконический знак*, *рефлексивному слою* – *знак-индекс*, а *духовному слою* сознания – *знак-символ*. Установлено, что процесс *сознавания* направлен на работу с модальностью *сущего*, тогда как *осознанию* соответствует модальность *должного*, а *творческому осознанию себя* – модальность *возможного*. Показано, что каждая из этих модальностей связана с определенным уровнем понимания: к модальности *сущего* относится *моноконтекстный* уровень понимания, к модальности *должного* – *поликонтекстный* уровень понимания, к модальности *возможного* – *проективное* понимание. При этом каждый уровень понимания репрезентируется различными видами

© Троицкий Ю. Л., Валув О. С., Матюнина М. А., 2021

ISSN 2307-1737

Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 178–198

Critique and Semiotics, 2021, no. 2, pp. 178–198

нарративных практик: *моноконтекстной техникой наррации, поликонтекстным нарративом и техникой нарративного проектирования*. Таким образом, установлено, что структура сознания (В. П. Зинченко) может быть представлена с позиций модальных категорий, семиотических понятий и нарративных практик.

Ключевые слова

психосемиотика, сознание, самоосознание, слой сознания, модальность, знак, стратегия понимания, нарративная техника

Для цитирования

Троицкий Ю. Л., Валуев О. С., Матюнина М. А. Психосемиотика самоосознания: от междисциплинарных оснований – к техникам понимания // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 178–198. DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-178-198

Psychosemiotics of Self-Consciousness: From Interdisciplinary Origins to Interpretation Techniques

Yuri L. Troitsky¹

Oleg S. Valuev²

Marina A. Matyunina³

¹⁻³ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

¹ troitski@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1592-0224>

² o.valuev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3786-6874>

³ matyunina-ma@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1625-0496>

Abstract

The paper approaches the interdisciplinary analysis of V. P. Zinchenko's consciousness structure from the standpoints of semiotics and narratology. Each layer of consciousness within the structure corresponds to its own type of signs in semiotics: the *existential layer* relates to *icon*, the *reflexive layer* – to *index*, and *semantic layer* – to *symbol*. We elucidate that the process of *awareness* is directed at the *assertoric* modality, the process of *consciousness* – to the modality of *necessity*, and the process of *creative self-consciousness* – to the modality of *possibility*. The paper demonstrates the link between each of the modalities and certain levels of interpretation: the assertoric modality corresponds to the *monocontextual* level, the modality of necessity – to the *polycontextual* level, and the modality of possibility – to the *projective* level of interpretation. Additionally, each level of interpretation is represented

by different kind of narrative practices: *monocontextual narrative technique, poly-contextual narrative and the technique of narrative projecting*. Thus, it is concluded that V. P. Zinchenko's consciousness structure can be discussed in terms of modal categories, semiotic concepts and narrative practices.

Keywords

psychosemiotics, consciousness, self-consciousness, layer of consciousness, modality, sign, interpretation strategy, narrative technique

For citation

Troitsky Yu. L., Valuev O. S., Matyunina M. A. Psychosemiotics of Self-Consciousness: From Interdisciplinary Origins to Interpretation Techniques. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 2, pp. 178–198. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-178-198

*К 90-летию со дня рождения Учителя и Психолога
Владимира Петровича Зинченко*

В ходе нарастания фундаментальных вызовов неопределенности, сложности и разнообразия [Асмолов, 2018] повышается необходимость более глубокого осознания себя, построения понимающего общения и поведения. Это вызывает потребность в поиске, отборе и разработке технологий, методов, приемов и средств развития самоосознания человека на разных возрастных этапах. В данной работе мы предлагаем *психосемиотический подход к самоосознанию*, позволяющий объединить результаты исследований отечественной и мировой психологии сознания с современными семиотическими идеями. В данном подходе особое значение имеет связь культурно-исторического понимания обобщения (Л. С. Выготский) в контексте семиозиса, выделение психотехнической функции семиотических систем в развитии сознания [Глотова, 1994], понимание семиосферы как способа существования сознания, теории психосемиотической организации самого сознания [Королева, 2006].

В отечественных и зарубежных психологических подходах неоднократно указывалось высокое эволюционное значение сознания в развитии человека, общества и культуры [Гальперин, 2007; Лурия, 2019; Ревонсуо, 2013; Рубинштейн, 2012а]. Сознание выступает как целостный [Выготский, 2006], неоднородный, многогранный, полицентричный и полифоничный [Зинченко, 2010], многомерный [Петренко, 2009] феномен, включающий в себя ряд образующих его компонентов. А. Н. Леонтьев выделял

три образующие сознания: чувственную ткань образа, значения и личностные смыслы [Леонтьев, 1975]. Критикуя такое построение сознания, В. П. Зинченко считал, что уместнее говорить о *слоях сознания*, объединяя идеи культурно-исторической теории развития психики, психологической теории деятельности, теории хронотопа М. М. Бахтина, философии М. Бубера, М. Хайдеггера и В. В. Библихина. Л. С. Выготский считал, что сознание имеет системное и смысловое строение, что отмечается уже в его записных книжках [Записные книжки..., 2018]. В. П. Зинченко добавил к этому, что сознание является живой и открытой системой, имеющей сложную хронотопическую структуру с функциональной морфологией [Зинченко, 2010]. Он выделил в структуре сознания три взаимосвязанных и постоянно взаимодействующих слоя (*бытийный* (экзистенциальный), *рефлексивный* (интеллектуальный), *духовный* (смысловой)), показывая их слабую дифференцированность, относительную разделенность и гетерархичность. В гетерогенезе сознания его слои выстраиваются параллельно, диалогически и одновременно, но само сознание не сводится к указанной структуре.

Обобщая позиции разных авторов – Г. Г. Шпета, М. Бубера, С. Л. Рубинштейна, М. К. Мамардашвили, – В. П. Зинченко приходит к выводу, что каждый из выделенных слоев сознания имеет некоторые степени свободы, поддающиеся ограничениям в различных жизненных обстоятельствах. При этом доминантой в работе сознания может выступать любой из его образующих слоев в зависимости от решаемой задачи, а само сознание эмерджентно. Сознание выступает в своей внешней (слово, действие, воплощенном образе) и внутренней (переживании, мысли, представляемом образе) формах, причем «внешнее зарождается внутри, а внутреннее зарождается вовне» [Зинченко, 2010, с. 358]. Каждый слой сознания имеет свойства целого, что выражается в особых формах человеческой активности, связанной с изменением себя и мира вокруг [Рубинштейн, 2012б].

Бытийный слой сознания формирует биодинамическая ткань живого движения, связываемая В. П. Зинченко с чувственной тканью образа по А. Н. Леонтьеву [Зинченко, 2010]. Идея активного живого движения принадлежит Н. А. Бернштейну, выделившему его внутреннюю и внешнюю формы, переходящие друг в друга, что создает избыточность, снимаемую – как избыточные степени свободы – при построении конкретного произвольного движения живого организма [Бернштейн, 1947]. *Биодинамическая ткань сознания* наблюдаема со стороны через поведение, поступки, результаты деятельности, психологические практики разных подходов

и т. д.; она организует его жизненный опыт, получаемый в переходе от одной ситуации к другой. Получение этого опыта позволяет решать *ориентировочные задачи* в уникальных условиях и обстоятельствах каждой ситуации. Одной из важнейших способностей биодинамической ткани В. П. Зинченко считал ее способность к чувствительности как видению движения изнутри: чувствительности к ситуации, в которой находится человек, и чувствительности к потенциальному достижению исполненного действия. В сложном взаимодействии этих видов чувствительности раскрывается основа фоновой рефлексии, на которой выстраиваются более сложные формы человеческой активности [Гордеева, Зинченко, 1982], поэтому в бытийном слое уже содержатся следы рефлексии, необходимые для осуществления волевого акта и сознательного присутствия субъекта в нем.

Рефлексивный слой сознания составляет динамическое и диалогическое взаимодействие значений и смыслов. Смысл в данном случае проясняет бытие, показывая, что рефлексивное сознание не может быть безличным, оно является в единстве знания и субъективного отношения, деятельно и страстно, а значит, живо. В этом контексте С. Л. Рубинштейн разделял природный и рефлексивный способы существования человека [Рубинштейн, 2012б]. Полученный в бытийном слое сознания жизненный опыт интегрируется и дифференцируется, обретает субъективное отношение и значение, осмысливается и трансформируется в новые формы внешней и внутренней активности. Интеллектуальные операции, проделываемые в этом слое сознания, связаны с *рефлексивными задачами* обработки и переработки получаемого опыта со стороны самого субъекта. В рефлексивном слое сознания образуется особая структура – *самосознание* – направленная на прояснение роли субъекта в системе его органической активности, групповой предметной деятельности и личностного развития [Столин, 1983]. Данный слой контролирует, координирует бытийный и духовный слои, соотнося их работу с объективной реальностью. В этом смысле рефлексивный слой сознания со-бытийен и требует переживания обретенного опыта, что постепенно приводит к преобладанию мудрости над эрудицией. Высшими формами рефлексии являются созерцание, медитация и переживание наряду с различными формами искусства [Зинченко, 2010].

Духовный слой сознания возникает как потенциальное сознание в протообщении «Я» и «Ты» (Другого), направлен на осуществление духовной деятельности и поэтому связан с личностью и культурой. Между «Я» и «Ты» устанавливаются реальные взаимоотношения в системе глубокого

межличностного общения двух людей, что раскрывает антропологическую природу сознания, отличая человека от всех остальных живых существ [Бубер, 1999]. Эти интимные взаимоотношения имеют порождающую логику, в которой *свободное «Я»* может быть собой, что согласуется с идеей Л. С. Выготского о разумности и свободе обобщения, происходящего в сознании, что он связывал с общением, в том числе с осознанным общением с самим собой [Записные книжки..., 2018]. Поэтому именно во взаимоотношениях с другим ставятся *смысловые задачи* [Леонтьев, 1975] и разрешаются сложнейшие вопросы человеческого существования, иногда называемые предельными вопросами, – вопросы жизни и смерти, свободы и одиночества, смысла и бессмысленности [Ялом, 2005]. Духовный слой сознания представляет собой его «вертикальное измерение», выходящее за пределы самой многомерности бытия, являясь инстанцией принятия на себя личной ответственности [Зинченко, 2010, с. 274]. Вершиной этого измерения В. П. Зинченко полагает *символ*, обоснованно считая, что данный слой сознания не может быть описан вне персонологического аспекта его анализа. В духовном слое сознания субъективность человека проявляется во множестве модификаций и ипостасей «Я», объективной образующей которых становится «Ты» другого человека, что согласуется с разработками А. А. Ухтомского в области доминанты «на лицо другого» [Ухтомский, 2019, с. 160].

Каждый слой сознания разрешает свойственные ему задачи путем создания соответствующих функциональных органов. А. А. Ухтомский рассматривал «функциональный орган» как «всякое сочетание сил, могущее привести при прочих равных условиях всякий раз к одинаковым результатам» [Там же, с. 129]. Свое название он получил в связи с необходимостью выполнения функции, результатом чего становится личностное или жизненное достижение. *Функциональный орган* собирается из разных сил в зависимости от стоящей перед индивидом задачи, конструируется под нее. Орган не сводится к материальным составляющим движения, обнаруживая неповторимые качественные особенности. Орган существует в особом времени активного *хронотопа*, стягивая в настоящее прошлое и будущее, иногда соотнося его действие с астрономическим временем. Когда результат решения задачи совершается в этом достижении, действие органа прекращается, и он раскладывается на свои составляющие, переходя в виртуальный план. В нем орган существует как «набор средств и способов активности», составляющий деятельностный и культурный потенциал индивида [Зинченко, 2010, с. 228]. Из виртуального плана функциональ-

ный орган может быть снова актуализирован при необходимости разрешения соответствующей задачи. Поэтому выделяются оперативные (связанные с отдельной уникальной операцией) и относительно постоянные (используемые часто для выполнения сходных повседневных задач) функциональные органы.

В. П. Зинченко сопоставляет идеи А. А. Ухтомского с положениями Л. С. Выготского, показывая, что к числу функциональных органов относятся все высшие психические функции и возрастные новообразования, направленные как на внешний, так и на внутренний мир человека. Поэтому к числу функциональных органов, работающих на бытийном слое сознания, В. П. Зинченко относит движение, действие, умение, навык; к рефлексивному слою сознания – «интеллектуальные приемы и схемы»; к духовному слою – «честь» и «совесть» [Зинченко, 2010, с. 229]. Функциональные органы гетерогенны, находятся в постоянных взаимоотношениях и взаимодействии, на основании чего в сознании происходит постоянная композиция и декомпозиция структур, обладающих способностью к предвидению будущего в ситуации неопределенности [Зинченко, 2010]. Важным представляется и положение Л. С. Выготского о том, что *функции выполняются различными процессами и не закреплены за отдельными деятельностью* [Записные книжки..., 2018], поэтому сознание связано отношениями с предметами, функциональными органами и всем существом человека. Опираясь на глубокий мифопоэтический опыт в литературе, искусстве, культуре, В. П. Зинченко утверждал, что функциональный орган не только конструируется, но и является целью конструирования, а «процесс конструирования и его результат – построенный смысл – далеко не всегда осознаются и еще реже обнаруживаются» [Зинченко, 2010, с. 166]. Продолжая эту мысль, А. Г. Асмолов [1996] говорит о конструировании культурного разнообразия жизненных миров, в которых живет и развивается личность. В. А. Петровский [2013] описал возможные пространства существования личности в персонологической перспективе.

Обращаясь к идеям И. Р. Пригожина, В. П. Зинченко уподобил функциональные органы диссипативным структурам, которые могут дифференцироваться и самоорганизовываться, что само по себе драматизирует процессы, происходящие в сознании [Зинченко, 2010]. Таким образом, с помощью функциональных органов возможно *драматическое* развитие сознания человека и *конструктивное изменение* его жизни. Развитие сознания во множестве жизненных и культурных миров, раскрытии многообразия человеческого бытия выступает сложнейшей задачей современной

науки и искусства. Здесь всё более актуализируется пригожинская логика самоорганизующихся систем, в которой В. А. Петровский обосновывал состоятельность самополагания, самоактуализации, самореализации, самопрезентации, самотрансляции, самотрансценденции личности [Петровский, 2013]. В зарубежной психологии и психотерапии доказано влияние на перечисленные процессы специализированной работы с сознанием, в том числе с собственным сознанием человека, его самоосознанием [Теория..., 2014].

В этой статье мы понимаем под *самоосознанием* процесс и результат осознания человеком себя. Л. С. Выготский рассматривал *осознание* как «общение с собой по поводу внутренней действительности» [Записные книжки..., 2018, с. 412]. Осознание в культурно-историческом подходе происходит через общение путем обобщения значений, сознательную работу с отношениями с реальными предметами мира и понятиями, а через них – с самим собой. Обобщение различно в зависимости от слоя сознания и функций, с которыми он связан. Так, в бытийном слое сознания происходит обобщение обстоятельств текущей ситуации, в результате чего образуется жизненный опыт поведения в ней. В рефлексивном слое сознания этот опыт подвергается дифференциации и интеграции в системе ситуаций и различных «я», принимающих в них участие. Возникает обобщенное осознание себя по отношению к обстоятельствам ситуации и способам надлежащего поведения в ней в зависимости от целей и задач человека. В духовном слое сознания осуществляется сложное обобщение себя и мира в системе их взаимоотношений, а также межличностных отношений с другими.

Обобщение, по Л. С. Выготскому, всегда свободно и разумно (осмысленно внутренне), причем «значение меняет сознание, сознание меняет жизнь»; именно это *движение от сознания к жизни* Выготский считал основным в развитии человека и общества, в то время как инструментальным по отношению к нему выступает прямое *движение от жизни к сознанию* [Записные книжки..., 2018, с. 413]. Следовательно, самоосознание ведет к композиции и декомпозиции структур сознания, функциональному развитию личной свободы, появлению новых отношений и смыслов, предполагает различные степени усилия, прикладываемого человеком для решения задач разного уровня сложности. Для этого и используются функциональные органы, что согласуется с практиками мировой психотерапии и психологического консультирования, где повышение уровня осознания – *осознанности* – приводит к когнитивным, эмоциональным, поведенче-

ским, коммуникативным, личностным, жизненным и творческим изменениям в судьбе человека. Осознанность как интеллектуальная характеристика меняет качество существования, позволяя перейти от модуса обладания к модусу подлинного бытия [Фромм, 2019]. В современной культурно-исторической ситуации развитие осознанности (mindfulness) становится общедоступной и модной практикой повседневной жизни. В этом контексте обучают методам, приемам и техникам осознанного поведения, общения, межличностных отношений, трудовой деятельности, питания, творчества и т. д. [Лангер, 2017]. По мере того как практики осознанной жизни становятся мейнстримом, на передний план выходят вопросы самоосознания каждого человека на разных этапах его возрастного развития.

Самоосознание осуществляет разные функции в зависимости от слоя сознания и жизненных обстоятельств, в которых оказался человек. Опираясь на феноменологическую антропологию Л. Бинсвангера, Р. Мэй показал, что любое животное имеет особый процесс сознания – «сознавание» (awareness), состоящее в бдительности по отношению к меняющимся обстоятельствам окружающей действительности [Теория..., 2014, с. 70]. Изначально сознавание имело защитную функцию и способствовало адаптации к каждой жизненной ситуации для выживания индивида. Сознавание работает в бытийном слое сознания, что приводит к обретению жизненного опыта. П. Я. Гальперин очень точно показал, что живому существу требуется ориентация в конкретной ситуации. Человек использует для этого особую систему культурных ориентиров – язык [Гальперин, 2007]. В практической психологии с сознаванием активно работают в бихевиоризме, НЛП, телесно-ориентированной терапии путем изменения паттернов поведения, телесных практик и реакций на обстоятельства ситуации.

Р. Мэй различает сознавание и *осознание* (consciousness), под которым понимает «способность опознать себя как существо... с которым взаимодействует этот мир» [Теория..., 2014, с. 71]. Осознание переворачивает ситуацию, открывая ее внутреннюю сторону для самого человека в ситуации, что дает ему возможность реагировать осознанно, целенаправленно меняя обстоятельства жизни. А. Н. Леонтьев [2003] связывал это с деятельностью, направленной на преобразование мира и самого человека. Осознание себя повышает качество взаимодействия с другими и эффективность выполнения собственно человеческих функций в обществе. Осознание дает представление о том «как должно быть», что позволяет сравнивать виды активности в разных ситуациях и контекстах, обнаружи-

вать изменения в мире и самих себе, регулировать свои переживания и действия. Таким образом, осознание происходит в рефлексивном слое сознания, создавая особое ментальное пространство для переосмысления себя в различных жизненных ситуациях. В развивающемся на этой основе самосознании смысл становится гетеротопным, а важнейшими составляющими истины выступают позитивная свобода и полнота самореализации [Скворцов, 2020]. В практической психологии работа по переходу от сознавания к осознанию и развитию последнего активно ведется представителями психоанализа, трансактоного анализа, когнитивной терапии, гештальт-терапии и других подходов.

Наиболее сложная и важная работа по самоосознанию осуществляется в процессе соотнесения разных «я» и жизненных миров, их объединения, когда человек выходит за собственные пределы, становясь самим собой как целостным существом. Р. Мэй писал, что на этом уровне происходит *творческое осознание себя* в реализации человеческих потенциалов, работе с возможностями и развитии личной свободы [Мэй, 2020]. Личность обнаруживает себя в процессе становления кем-то, воплощения своего потенциала и утверждения жизненных сил, самоутверждения, с чем связана постановка и разрешение экзистенциальных вопросов [Теория..., 2014]. С. Л. Рубинштейн писал о значении человека на этом уровне как существующего в масштабах вселенной, открывающегося в системе общечеловеческих ценностей и отношений [Рубинштейн, 2012б]. Поэтому в процессе творческого осознания себя в духовном слое сознания в полной мере раскрывается роль *другого*. М. М. Бахтин [2000] прямо говорит, что человек должен отыскать себя в другом, а другого – в себе самом. Словно откликаясь на эти слова, В. В. Библихин пишет: «...я узнаю себя в другом не таким себя знаю, а каким себя еще не видал; узнаю там себя не привычного, а другого. Я сам оказываюсь другой» [2016, с. 275]. Это становление непривычным, иным, другим собой происходит в процессе освоения собственных возможностей, сложного и многостороннего самопознания и самоосуществления.

А. Н. Леонтьев, анализируя представления Л. С. Выготского о сознании, писал, что на основании развитого самосознания возникают третичные «межфункциональные связи и отношения, строится сознательная личность», достигается высшее *осознание «мира и себя в этом мире»* [Леонтьев, 2003, с. 423]. В духовном слое сознания личность вступает в *смысловые* отношения с собой, другими людьми и миром. В этих отношениях осуществляется *творческий акт* как высшее проявление челове-

ских возможностей, создаются произведения культуры и искусства. Творческий акт, как считал В. П. Зинченко [2010], тоже гетерогенен и конструирует новые культурные миры, порождая иные смыслы и отношения. В современной искусствотерапии творческий акт ставится выше эстетического эффекта, что указывает на неоднозначность отношения современного человека к разным сферам его жизни и областям деятельности [Искусствотерапия..., 2014]. А. Г. Асмолов [2018] полагает, что искусство вырабатывает уникальные практики работы с неопределенностью в культуре, что расширяет границы преадаптивного потенциала человека. Работа с этим уровнем самоосознания ведется в экзистенциальной, гуманистической психологии и психотерапии, логотерапии, арт-терапии и других подходах.

Описанные процессы самоосознания соотнесены со слоями сознания в зависимости от выполняемых ими функций. Примечательно, что в этих функциональных проявлениях также раскрываются универсальные *модальности* (сущего, должного и возможного), на работу с которыми направлены эти процессы. Рассмотрение категории «модальность» имеет непосредственное отношение к нашей теме. По мнению М. Н. Эпштейна «смена больших философских эпох есть прежде всего смена модальностей мышления. Различие модальностей гораздо глубже и принципиальнее любых различий в содержании мышления» [2001, с. 53]. Подтверждением этого тезиса может служить поразительное совпадение аристотелевских модальностей с категориями философии И. Канта, а также с грамматическими категориями наклонения глагола в европейских языках (см. таблицу) [Троицкий, 2013].

Методологические предпосылки проективности
Methodological prerequisites of projectivity

Аристотель (типы модальностей)	Кант (виды суждений)	Грамматические категории (наклонение глагола)
Сущее	Ассерторическое	Изъявительное
Должное	Аподиктическое	Повелительное
Возможное	Проблематическое	Сослагательное

Совпадение этих модальностей с философскими и грамматическими категориями говорит о глубинном их сопряжении и универсальности проявления в метафизике, эпистемологии и структурах языка.

Можно предположить, что бытийному слою сознания соответствует модальность «сущего» как определение того, что есть «на самом деле» в соотношении с быстро меняющейся ситуацией. В этом случае адаптивный потенциал субъекта зависит от скорости и адекватности «перевода» внешних сигналов в построение живого движения – от отдельных микродвижений до поступка. Функциональным органом сознавания здесь выступают умения и навыки, связанные с прошлым опытом, в более сложных ситуациях, требующих нетривиальных реакций и действий, – знания и осознанный опыт, что свидетельствует о взаимодействии бытийного и рефлексивного слоев сознания, модальностей «сущего» и «должного».

Психосемиотика бытийного слоя сознания – это система, включающая в себя *иконические знаки* с прозрачным подобием означаемого и означающего, неосознаваемую *метафорическую стратегию* перевода внешних сигналов на ментальный язык внутренней речи, *прагматику* реактивных движений и действий, соответствующую сознаванию ситуации и ориентации в ней.

Если иметь в виду уровень понимания субъектом ситуации, которую можно отнести к модальности сущего, придется признать, что это уровень *доконтекстного понимания* (в случае автоматизированных реакций) или *моноконтекстный уровень понимания* (в случае осознаваемых действий). Неосознаваемые реакции подразумевают понимание непосредственных (прямых) значений текста, действия или поступка. Сознание же подразумевает удержание ситуации как изменяющегося целого в моноконтекстном режиме – генетического (по происхождению феномена) либо функционального (по авторской задаче) бытования текста, действия, поступка.

Особая роль может быть отведена нарративным экспликациям моноконтекстного понимания. Как известно, нарратив всегда событийен. Предлагая участнику некоторого события описать случившееся, аналитик выделяет в письменном тексте фабульную и сюжетную линии, фиксируя точки их сближения и отталкивания. Такое различие сюжета и фабулы по сути совпадает с известной формулой М. М. Бахтина о двусобытийности нарратива – событие, о котором рассказывается, и событие самого рассказывания [Бахтин, 1975]. Когнитивно-психологические интерпретации сближения / отталкивания фабулы и сюжета позволяют установить уровень неосознанного конструирования событийного сюжета и степень убе-

дительности авторской позиции, которую (степень убедительности) можно определить близостью фабульной и сюжетной линий, а также мощностью аргументационной базы. Эту технику понимания можно назвать *моноконтекстной нарративной техникой*.

Следующий – рефлексивный – слой сознания предполагает различие «действующего “Я”» и «рефлексивного “Я”» [Столин, 1983, с. 145]. Последнее занимает метапозицию по отношению к первому: в этой рефлексивной иерархии, собственно, и состоит качественный переход к более высокому слою сознания и более сложным функциональным задачам. Поэтому рефлексивному слою сознания соответствует модальность *должного*, предполагающая сопоставление осознанных выборов и решений с субъективными эмоционально-ценностными шкалами личного опыта человека. В отличие от бытийного слоя сознания, такое сопоставление происходит осознанно с помощью различных функциональных органов (воспоминания, эмоционального состояния, образа и др.) [Зинченко, 2010]. Собственно рефлексивный опыт возникает в результате осознания жизненного опыта и функционально связывается с самосознанием.

С психосемиотической позиции этот слой сознания оперирует *индексальными* знаками, указывающими на корреляцию единиц «действующего “Я”» и соответствующих фреймов «рефлексивного “Я”». При этом, в отличие от иконических знаков, отношение «означающего» к «означаемому» уже не прозрачно и может носить выраженный индивидуальный характер. К. Г. Юнг [2010] связывал общественный прогресс с осознанием индивидуальных отличий людей, или процессом индивидуации. Рефлексивный слой сознания предполагает и более сложный уровень «понимающих стратегий» – *поликонтекстное понимание* (текста, действия, поступка, события и т. д.). Смена моноконтекстного понимания на поликонтекстное означает обнаружение в тексте его интертекстуальной глубины (аллюзий, явных и скрытых цитат, архетипов и образов), а в различных видах активности можно обнаружить повторы («поступочные цитаты»). Кроме того, поликонтекстное понимание предполагает *полипозиционность* – проекции различных точек зрения на одно и то же событие при признании их равнозначности. Это создает рефлексивную динамику образов конкретной ситуации и позиций по отношению к ней, а также разнообразие осознаваемых «я» во множестве жизненных ситуаций, опытно пережитых, предвосхищаемых и рефлексивных человеком.

Нарративные экспликации поликонтекстного понимания можно представить как наррации участников некоторого события, в которых каждый

участник описал свое видение случившегося при последующем сопоставлении авторских позиций с выделением инвариантного ядра нарративов и их различий. Именно характер различий будет источником для реконструкции каждой авторской позиции, тогда как инвариант нарративов очертит границы общей памяти и эмоционального фона участников события. Затем аналитик может предложить участникам описать свою роль, а также поведение других участников события под заголовком «Что произошло на самом деле». Нарративы этой темы, при нарочитой позитивистской установке, позволят проявить уровень авторских рефлексивных возможностей каждого участника. Сравнение первого текста (описание события) и второго (авторская рефлексия), а также анализ группового обсуждения нарративов позволит определить уровень сформированности рефлексивных возможностей каждого участника события. В этом состоит *нарративная техника поликонтекстного понимания*.

Высший – духовный – слой сознания, соответствующий духовному миру человека, связан с модальностью *возможного*. Этот слой включает осознание себя как целостного и свободного человека в разнообразии жизненных миров в системе межличностных взаимоотношений. Исследователь модальности «возможного» М. Н. Эпштейн отмечает: «“Возможное” прямо соотносится не только со своей противоположностью, “невозможным”, но и с модальностью “случайного”, подчеркивая релятивный характер этой категории» [2001, с. 30]. При этом автор отмечает трудность в определении этой модальности. Если попытаться определить уровень сознательной активности личности в модальности «возможного», то это авторская позиция в сложном взаимодействии человека и мира [Рубинштейн, 2012б], свободное осознание себя и другого в системе динамических отношений. Модальность «возможного» – это самая потенциально емкая и релятивная категория, предполагающая неисчерпаемость окружающего мира, в том числе за счет возможных иных миров.

Семиотический знак этой модальности – *знак-символ*, имеющий конвенциональную природу, полностью устраняющую прямую и косвенную связь означаемого и означающего. Этот тип знака имеет явную коммуникативную направленность и обладает максимально возможным смысловым потенциалом. Духовному слою сознания соответствуют стратегии *«проективного понимания»*, совершающего переход от дескриптивных схем и моделей к генеративным моделям, освоению стратегий порождения новых смыслов. Конструирование нового знания и его понимание предполагают особые органы духовного слоя сознания, осуществляющего эти

творческие акты в сложной системе взаимоотношений «Я» и «Ты», конструирования социокультурной реальности в мире возможного. Это подтверждается данными гештальт-терапевтической практики [Робин, 2016].

В проективном залоге целеполаганием становится создание «прецедентных» текстов и изобретение новых моделей текстопроизводства. Возникают прецедентные действия и поступки, которые становятся «образцами» новых действий и «поступочных инноваций». Нарративные проекции проективного залога – это освоение техник проективного конструирования.

В этом случае аналитик предлагает участникам прошедшего события написать текст, в котором каждый спроектировал бы желаемый сюжет развития события. Сравнивая нарративы, в которых описан «реальный» ход события, с текстом желаемого сюжета, аналитик фиксирует отличие сюжетных линий, которое свидетельствует о проективном потенциале воображения автора. Это можно назвать *техникой нарративного проектирования*.

Заключение

В психосемиотическом подходе к самоосознанию обнаруживается взаимосвязь слоев сознания (В. П. Зинченко) и соответствующих им процессов самоосознания человека (Р. Мэй) с модальностями (Аристотель), типами знаков (Ч. Пирс), стратегиями понимания и взаимосвязанными с ними нарративными техниками понимания (Ю. Троицкий). Междисциплинарный анализ этих оснований, с одной стороны, показывает конструктивные возможности описания процессов самоосознания человека в семиотических категориях и – что более значимо – выявляет и обосновывает реальную взаимосвязь *уровней функционального взаимодействия сознания и жизни* человека в психосемиотическом подходе:

1) *уровень ситуативного опыта*: бытийный слой сознания – сознавание – модальность сущего – иконический знак – моноконтекстное понимание – нарративная техника моноконтекстного понимания;

2) *уровень рефлексии*: рефлексивный слой сознания – осознание – модальность должного – индексальный знак – поликонтекстное понимание – нарративная техника поликонтекстного понимания;

3) *уровень личностного смысла*: духовный слой сознания – творческое осознание себя – модальность возможного – символический знак – проективное понимание – техника нарративного проектирования.

С другой стороны, применение этого подхода позволяет переосмыслить возможности языка и культуры в отношении самоосознания человека через его работу со знаками, уровнями понимания, модальностями, слоями и процессами сознания. Тем самым в самоосознании прослеживаются понимаемые по Л. С. Выготскому *горизонтальные* (сознание – жизнь, жизнь – сознание) и *вертикальные* (сознание и знак – разум, свобода, творчество) *психосемиотические связи*, открывающие продуктивные возможности понимания и развития *архитектоники сознания и человеческой жизни*.

Модель сознания, созданная В. П. Зинченко, может быть рассмотрена с позиций модальных категорий, семиотических понятий и нарративных практик как возможное основание для конструирования инструментов понимания, диагностики и коррекции дискурсивных и поведенческих стратегий.

На основании полученных результатов может быть разработана программа психолого-образовательного курса по развитию самоосознания для представителей разных возрастных групп.

Список литературы

Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996. 767 с.

Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [II Приглашение к диалогу] // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* / Под общ. ред. А. Г. Асмолова. М., 2018. С. 13–26.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.

Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. 332 с.

Бернштейн Н. А. О построении движений. М., 1947. 253 с.

Бибихин В. В. Мир. Язык философии. СПб., 2016. 448 с.

Бубер М. Два образа веры / Сост. П. С. Гуревич, С. Я. Левит. М., 1999. 464 с.

Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.

Гальперин П. Я. Лекции по психологии. М., 2007. 400 с.

Глотова Г. А. Психосемиотика развития человека: Дис. ... д-ра психол. наук. Екатеринбург, 1994. 560 с.

- Гордеева Н. Д., Зинченко В. П. Функциональная структура действия. М., 1982. 208 с.
- Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное / Под ред. Е. Завершневой, Р. ван дер Веера. М., 2018. 608 с.
- Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. 588 с.
- Искусствотерапия / Пер. с латыш. А. Карповой. СПб., 2014. 351 с.
- Королева Н. Н. Психосемиотика субъективных реальностей личности: дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2006. 488 с.
- Лангер Э. Осознанность. М., 2017. 240 с.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
- Леонтьев А. Н. Становление психологии деятельности: ранние работы / Под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. М., 2003. 439 с.
- Лурия А. Р. Язык и сознание. СПб., 2019. 336 с.
- Мэй Р. Человек в поисках себя / Пер. с англ. Е. Овчинниковой, Е. Абрамовой. СПб., 2020. 224 с.
- Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М., 2009. 482 с.
- Петровский В. А. «Я» в персонологической перспективе. М., 2013. 502 с.
- Ревонсуо А. Психология сознания. СПб., 2013. 336 с.
- Робин Ж.-М. Социальные изменения начинаются вдвоем. Эссе и лекции по гештальт-терапии / Пер. с фр. Ю. Абдуловой. М., 2016. 274 с.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб., 2012а. 287 с.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб., 2012б. 224 с.
- Скворцов Л. В. Истина самосознания: гетеротопия смысла. М.; СПб., 2020. 496 с.
- Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983. 284 с.
- Теория и практика экзистенциальной психологии / Пер. с англ. С. Римского. М., 2014. 336 с.
- Троицкий Ю. Л. Историческое событие: стратегии понимания и способы репрезентации // Литература Урала: история и современность. 2013. Вып. 7, т. 1. С. 30–35.
- Ухтомский А. А. Доминанта. СПб., 2019. 512 с.
- Фромм Э. Иметь или быть? М., 2019. 314 с.
- Эпштейн М. Н. Философия возможного. СПб., 2001. 334 с.
- Юнг К. Г. Об энергетике души / Пер. с нем. В. Бакусева. М., 2010. 295 с.

Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т. С. Драбкиной. М., 2005. 576 с.

References

Asmolov A. G. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya i konstruirovaniye mirov [Cultural and historical psychology and the construction of worlds]. Moscow, 1996, 767 p. (in Russ.)

Asmolov A. G. Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya (II Priglasenie k dialogu) [Psychology of Modernity: Challenges of uncertainty, complexity and diversity (II Invitation to a dialogue)]. In: Mobilis in mobili: lichnost' v epokhu peremen [Mobilis in mobili: personality in an era of change]. Ed. by A. G. Asmolov. Moscow, 2018, pp. 13–26. (in Russ.)

Bakhtin M. M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. In: Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, 1975, pp. 234–407. (in Russ.)

Bakhtin M. M. Avtor i geroj: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [Author and hero: towards the philosophical foundations of the humanities]. St. Petersburg, 2000, 332 p. (in Russ.)

Bernshtein N. A. O postroenii dvizheniy [About the construction of movements]. Moscow, 1947, 253 p. (in Russ.)

Bibikhin V. V. Mir. Yazyk filosofii [The world. The language of philosophy]. St. Petersburg, 2016, 448 p. (in Russ.)

Buber M. Dva obraza very [Two images of faith]. Comp. by P. S. Gurevich, S. Ya. Levit. Moscow, 1999, 464 p. (in Russ.)

Epshtein M. N. Filosofiya vozmoznogo [The Philosophy of the Possible]. St. Petersburg, 2001, 334 p. (in Russ.)

Fromm E. Imet' ili byt'? [To have or to be]. Moscow, 2019, 314 p. (in Russ.)

Galperin P. Ya. Lektsii po psikhologii [Lectures on psychology]. Moscow, 2007, 400 p. (in Russ.)

Glotova G. A. Psikhosemiotika razvitiya cheloveka [Psychosemiotics of human development]. Dr. of Psychol. Sci. Diss. Ekaterinburg, 1994, 560 p. (in Russ.)

Gordeeva N. D., Zinchenko V. P. Funktsional'naya struktura dejstviya [Functional structure of the action]. Moscow, 1982, 208 p. (in Russ.)

Iskusstvoterapiya [Art Therapy]. Trans. from Latvian by A. Karpova. St. Petersburg, 2014, 351 p. (in Russ.)

Jung K. G. Ob energetike dushi [On the energy of the soul]. Trans. from German by V. Bakusev. Moscow, 2010, 295 p. (in Russ.)

Koroleva N. N. Psikhosemiotika subyektivnykh real'nostej lichnosti [Psychosemiotics of subjective realities of personality]. Diss. of Dr. Psychol. Sci. St. Petersburg, 2006, 488 p. (in Russ.)

Langer E. Osoznannost' [Awareness]. Moscow, 2017, 240 p. (in Russ.)

Leontev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Conscience. Personality]. Moscow, 1975, 304 p. (in Russ.)

Leontev A. N. Stanovlenie psikhologii deyatelnosti: rannie raboty [The formation of the psychology of activity: early works]. Eds. A. A. Leontev, D. A. Leontev, E. E. Sokolova. Moscow, 2003, 439 p. (in Russ.)

Luriya A. R. Yazyk i soznanie [Language and consciousness]. St. Petersburg, 2019, 336 p. (in Russ.)

May R. Chelovek v poiskakh sebya [A man in search of himself]. Trans. from English by E. Ovchinnikova, E. Abramova. St. Petersburg, 2020, 224 p. (in Russ.)

Petrenko V. F. Mnogomernoe soznanie: psikhosemanticheskaya paradigm [Multidimensional consciousness: a psychosemantic paradigm]. Moscow, 2009, 482 p. (in Russ.)

Petrovsky V. A. "Ya" v personologicheskoy perspective ["I" in the personological perspective]. Moscow, 2013, 502 p. (in Russ.)

Revonsuo A. Psikhologiya soznaniya [Psychology of consciousness]. St. Petersburg, 2013, 336 p. (in Russ.)

Robin J.-M. Sotsial'nye izmeneniya nachinayutsya vdvoem. Esse i lektzii po geshtal't-terapii [Social change begins together. Essays and lectures on gestalt therapy]. Trans. from French by Yu. Abdulova. Moscow, 2016, 274 p. (in Russ.)

Rubinshtein S. L. Bytie i soznanie [Being and consciousness]. St. Petersburg, 2012, 287 p. (in Russ.)

Rubinshtein S. L. Chelovek i mir [Human and the world]. St. Petersburg, 2012, 224 p. (in Russ.)

Skvortsov L. V. Istina samosoznaniya: geterotopiya smysla [The Truth of Self-consciousness: the heterotopia of meaning]. Moscow, St. Petersburg, 2020, 496 p. (in Russ.)

Stolin V. V. Samosoznanie lichnosti [Self-awareness of the individual]. Moscow, 1983, 284 p. (in Russ.)

Teoriya i praktika ekzistentsial'noj psikhologii [Theory and practice of existential psychology]. Trans. from English by S. Rimsky. Moscow, 2014, 336 p. (in Russ.)

Troitsky Yu. L. Istoricheskoe sobytie: strategii ponimaniya i sposoby reprezentatsii [Historical event: strategies of understanding and ways of representation]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* [Literature of the Urals: history and modernity], 2013, iss. 7, vol. 1, pp. 30–35. (in Russ.)

Ukhtomsky A. A. Dominanta [Dominant]. St. Petersburg, 2019, 512 p. (in Russ.)

Vygotsky L. S. Psikhologiya razvitiya cheloveka [Psychology of human development]. Moscow, Eksmo Publ., 2006, 1136 p. (in Russ.)

Yalom I. Ekzistentsial'naya psikhoterapiya [Existential psychotherapy]. Trans. from English by T. S. Drabkina. Moscow, 2005, 576 p. (in Russ.)

Zapisnye knizhki L. S. Vygotskogo. Izbrannoe [Notebooks of L. S. Vygotsky. Favourites]. Eds. E. Zavershneva, R. van der Veer. Moscow, 2018, 608 p. (in Russ.)

Zinchenko V. P. Soznanie i tvorcheskij akt [Consciousness and the creative act]. Moscow, 2010, 588 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Юрий Львович Троицкий, кандидат исторических наук, доцент
AuthorID (РИНЦ) 454129

Олег Сергеевич Валув, преподаватель-исследователь в области психологических наук
AuthorID (РИНЦ) 766567

Марина Алексеевна Матюнина, научный сотрудник Научно-исследовательского центра социализации и персонализации образования детей ФИРО РАНХиГС
AuthorID (РИНЦ) 999663

Information about the Authors

Yuri L. Troitsky, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor
AuthorID 454129

Oleg S. Valuev, Researcher and Lecturer in the Field of Psychological Sciences
AuthorID 766567

Marina A. Matyunina, Research Fellow in The Center of Socialization and Personalisation of Children's Education
AuthorID 999663

*Статья поступила в редакцию 02.06.2021; одобрена после рецензирования
11.07.2021; принята к публикации 15.07.2021*

*The article was submitted 02.06.2021; approved after reviewing 11.07.2021;
accepted for publication 15.07.2021*